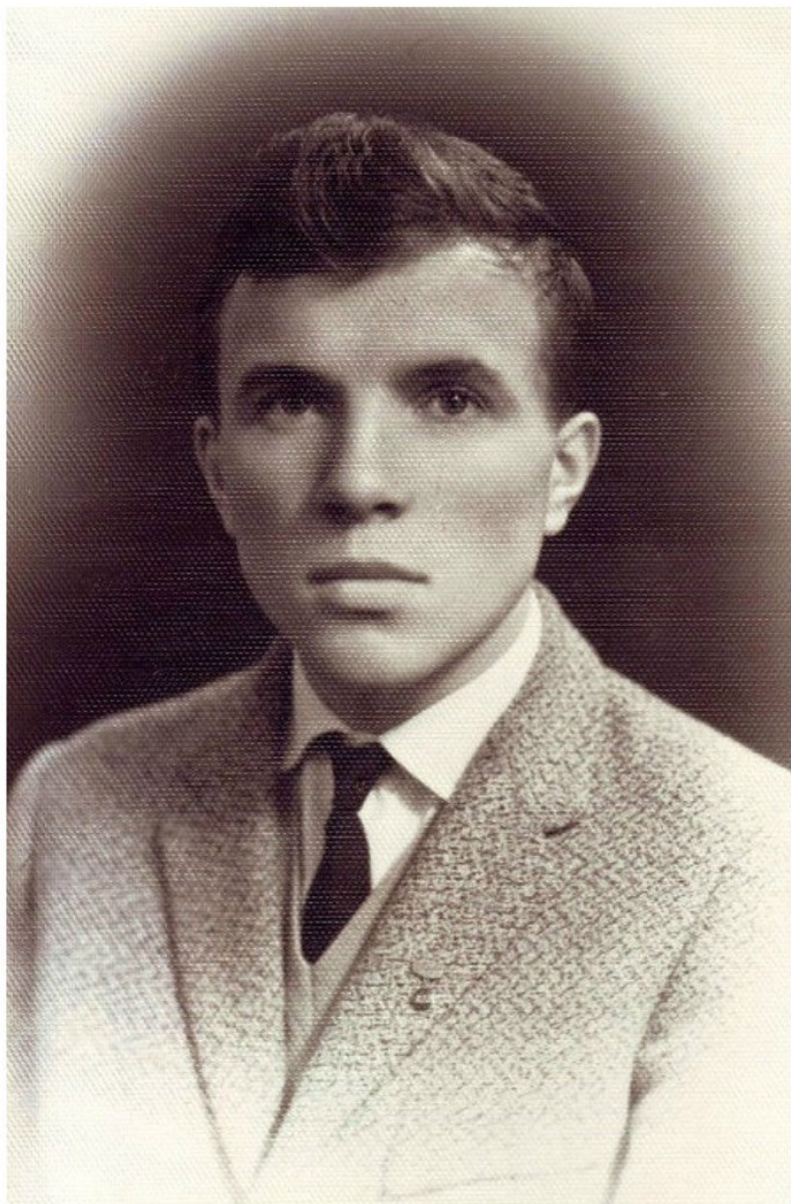

А.Коротков

ВОСПАДЕНИЕ ЧУВСТВ

2018

H. P. ...

КОРОТКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

*«Я сам взвалил свой крест на плечи,
Дрожат колена, тяжёк груз!
Ещё чуть-чуть, ещё не вечер!
И я к своей Голгофе рвусь!»*

ПОИСК ТЕМЫ...

Коротков Александр Иванович родился 26 марта 1947 года на просторах амурской земли на станции Средне-Белой в Ивановском районе. В 1949 году родители переехали жить на Сахалин, здесь и прошли годы первой половины жизни А.Короткова. В 1964 году окончил среднюю школу, с 1966 по 1969 год служил в рядах Советской Армии. В 1978 году окончил Южно-Сахалинский госпединститут, получив диплом учителя истории и обществознания. Прошёл хорошую школу жизни, работал телеграфистом, на железной дороге, кряжевал лес, был слесарем-наладчиком на заводе, пожарником, грузчиком, сторожем, отработал пятилетку в районном комитете партии и два года директором школы-интерната. С 1986 года живёт в Зее. Здесь он полностью отдался работе учителем истории в школе-интернате №9 до последнего дня этого учебного заведения в 2014 году. Награждён Грамотой Министерства образования РФ.

Первое стихотворение опубликовал в газете, будучи учеником 7-го класса. В армии сжёг общую тетрадь своих стихов о нелёгкой солдатской службе. В свободное время писал стихи, частушки, посвящения друзьям, записывал непридуманные истории. И только в последнюю четверть века стал заниматься литературным творчеством всерьёз, чему в немалой степени способствовало отсутствие детской тематики в «перестроенной» России.

А.И. Коротков – автор более трёхсот произведений, среди которых песни о России, городе Зее и сёлах района, золотодобытчиках, пограничной и военно-морской службе, лирика, стихи и песни для детей.

Сочинения Александра Короткова публиковались в газетах «Зейский вестник» и «Амурец» (Ивановский район), журналах, книгах других авторов, видеофильмах, открытках, городских, районных и областных сборниках. За годы творческой деятельности Александр Иванович не менее 150 раз выступал на концертах и творческих встречах в городе Зее и сёлах района, на заставах и приисках, в Благовещенске, Шимановске, Сквородино и ещё 20-ти посёлках области, на предприятиях и в школах города и района, в музеях и т.д., в авторском концерте в городе Зее.

Песня «Коммунарская площадь» на музыку В.И. Лебёдкина стала достоянием культурной жизни городского сообщества. Песня «Заречная Слобода» - в постоянном репертуаре группы «Бессонница».

Песня «Крымская весна» в сети интернета одобрена в 25-ти странах мира от Канады до Австралии!

А.И. Коротков – лауреат литературной премии имени Григория Федосеева, неоднократный победитель, лауреат и дипломант областных и городских конкурсов и

подарками городской администрации, организаций города, воинских частей, получал благодарности от управлений Минобороны и штаба КДВО.

Большую часть своих произведений А.Коротков опубликовал в интернете. Здесь трудно назвать точные цифры «тиражей», но примерно три миллиона пользователей сетей знакомы с творчеством нашего земляка и около ста тысяч положительно реагировали на его стихи и песни. Только одна из песен о Сахалине набрала 120 000 просмотров, а другая чуть меньше – 80 000. Среди тех, кто столкнулся с творчеством Александра Ивановича, сотни жителей десятков стран мира!

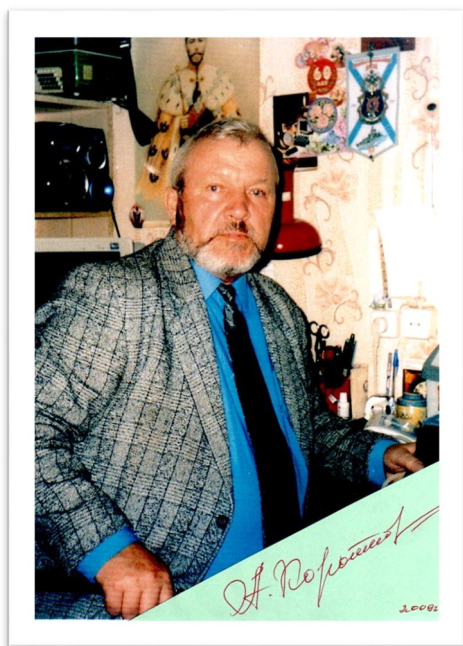
Одно из увлечений поэта и композитора Короткова А.И. – создание клипов на свои песни. Часть из них сделана на творчестве товарищей по поэтическому цеху – Геннадия Мозолевского и Ивана Рязанова, другая часть связана с поэтами и авторами, проживающими в других регионах России.

Плодотворным был для автора и 2017 год. Он написал около трёх десятков произведений и получил несколько публикаций. Особое место в жизни А.Короткова занимает увлечение литературой и астрономией, где он имеет собственные наработки в этих областях культуры и науки.

Доминирующим мотивом творчества А.И.Короткова является гуманизм и ярко выраженное патриотическое начало, любовь к Родине и тем местам, которые стали ему родными.

В настоящее время А.Коротков находится на заслуженном отдыхе, ветеран труда. Принимает посильное участие в культурной и общественной жизни города Зеи.

КАТАЛОГ АВТОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АЛЕКСАНДРА КОРОТКОВА

СОСТАВЛЕН
ПО НАЛИЧИЮ РАСПЕЧАТАННЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
НА ОКТЯБРЬ 2018 ГОДА
г. ЗЕЯ

1. Ивановка. 10 произведений. Распечатано Ивановской библиотекой.
2. На Ивановских просторах. 2-е издание № 1, доработанное и дополненное, 20 произведений.
3. Поёт о Зее мой баян! 15 песен о Зее.
4. С баяном по родному краю! 28 произведений о сёлах и городах Амурской области.
5. От края и до края! 23 произведения о городах и краях России.
6. Стихи о Родине. 18 произведений.
7. Заметки по разным поводам. 10 произведений. 106 страниц.
 - 7-1. Влияние литературы на общественное сознание.
 - 7-2. Мысли об искусстве и творчестве.
 - 7-3. О патриотизме.
 - 7-4. Снигирь.
 - 7-5. Это интересно!
 - 7-6. Когда врать перестанем?
 - 7-7. Записки о демократии.
 - 7-8. Ниже плинтуса.
 - 7-9. Как я не стал героем соцтруда...
 - 7-10. России верные сыны – герои Дальнего Востока.
8. Солнечные люди. 22 произведения.
9. На орбите интерната. 22 пр. Для детей.
10. Страшилки. 5 пр. Для детей.
11. Рассказы. 3 пр.(Бурундук, Гуси..., Яблоки...).
12. Сахалинские мотивы. 14 пр. о Сахалине.
13. Философия космоса (сокращ.). 35 страниц.
14. Служу России! 35 пр.

15. Во мне мелодии живут! 22 пр.
16. Камертон. 20 пр.
17. Поиск темы. 23 пр.
18. Избранное. 23 пр.
19. Застава на Амуре. Фоторепортаж, 40 стр., 5 произведений.
20. Житие Кирилла и Мефодия.
21. Посвящение Александру Пересвету.
22. Бекельдеуль.
23. Клятва Гиппократата.
24. Тамбовщина... 3 пр.
25. Памяти В. Мицука.
26. На диких пляжах у Находки.
27. Баллада о Герое.
28. Санкции. Сатира...
29. Тост на 8-е Марта.
30. Амурские дали. Альбом открыток.
31. Посвящение Борису Корнилову.
32. Невостребованное наследие русской поэтической мысли.
33. «Покрыты мздою очеса...».
34. Воспаление чувств.
35. Зазеркалье.

Адрес библиотеки:

Интернет; Одноклассники; Александр Коротков, г. Зея; группа «Когда душа поёт!», темы. Песни можно слушать в «Видео» этой же группы. Смотрите также в темах группы «Библиотека Александра Короткова».

Все альбомы можно почитать [ЗДЕСЬ](#).

Александр Коротков

ВОСПАЛЕНИЕ

ЧУВСТВ

СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

г. Зея, 2018

Море моего детства запомнилось резким и терпким солёным запахом выброшенной на берег морской капусты и неведомо откуда принесённых деревьев и корчей. Сдобренный испарениями йода ветерок так ударял в ноздри, что дыхание прерывалось поневоле, и ты приходил в себя после минуты-другой привыкания дышать вязкими клочьями воздуха нашего лукоморья. Пляж тянулся километра на два, справа близ устья Красавки чернели рубероидными крышами строения лесосплавной конторы, от которой в море уходил древний пирс. К нему частенько жались баржи, ожидавшие очереди под погрузку. Мы пробирались по скользким перекладам к концу пирса и ставили свои бесхитростные ловушки на чилимов. Потом купались и грелись у ленивого костерка, кто-нибудь вытаскивал ловушку и начинался пир горой! Море отнимало ребячьи силы, а чилимы-креветки, слегка взгретые на костерке, были такими вкусными, особенно с солью, что невозможно было оторваться от поедания

этих даров моря до тех пор, пока икота не ставила крест на этом пиршестве плоти. Море было нашим вторым домом, мы уходили иногда так далеко в его просторы, что пирс становился невидимым, а берег сплющивался в одну тёмную полосу. После такого заплыва мы снова наслаждались поеданием чилимов, потом разбрелись по домам, и спал я ночью, как убитый.

«Здесь мой причал...»

Так проходило лето. Мы купались отдельной стайкой, девчонки, как правило, держались поодаль, иногда с их стороны доносился смех или весёлые голоса, и тогда наша компания замирала, как по команде оборачиваясь в сторону этих непонятных созданий. Что-то прокатывалось по моему телу, я успевал привскочить и внимательно взглянуть в нарушителей спокойствия нашего скромного мужского клуба, и тут же падал под смех своих друзей, позволяя себе вполглаза поглядывать на девчонок, как будто было в них что-то такое, чему и слов-то найти не так-то просто! Так вот и дожил я до окончания восьмого класса. А вместе с ним закончилась и наша беспечная ранняя юность.

После восьмилетки надо было отрабатывать обязательную производственную практику, и наш класс вывезли в летний лагерь совхоза «Приозёрский» на прополку овощей. Таких пропольщиков в нём было сотни две, и не только наших поселковских из райцентра, но и из соседних сёл. С утра до обеда мы пололи бесчисленные гектары капусты с кузуикой, а после обеда у нас было свободное время. Кто-то падал спать после трудов праведных, другие играли в теннис, третьи не уходили из спортивного городка, волейбольный мяч колотили до позднего вечера, а я с друзьями уходил купаться на нашу Красавку, так как другой реки в нашем районе не было, и все пахари и лесорубы жили по её берегам. Наш лагерь – по сути - был таким заповедником молодняка, что скучать было некогда, девчонки начинали занимать в наших мыслях места гораздо больше того, чем это было раньше, и это приятное и волнующее ожидание чего-то интересного и неиспытанного доселе в нашей жизни уже заметно напрягало меня и моих друзей. В это лето со мной произошло такое, чего раньше не случалось. Так закрутило влечение к девчонке из Сосновки, что я места себе не находил, везде искал её глазами, любовался ею на полях, наблюдал, как она кушала в нашей полевой столовке, не сводил с неё глаз на пляже, восхищался её грациозной игрой в настольный теннис, а вот познакомиться с ней не мог, не подворачивался случай. Я проклинал свою трусость, при одной мысли, что я подхожу к ней, у меня потели ладони и немел язык. Вот так и пролетело пол-лета моих мучений! Но однажды я набрался смелости и на вечернем кино, которое крутили в столовке, подсел к моему объекту воздыханий и привёл в действие свой хитрющий, как мне казалось, план!

-Слушай, а как тебя зовут?

-Меня? – она вскинула брови.

-Ну да, тебя... Меня Лёнкой зовут. Я из райцентра, а ты, судя по палатке, из сосновских?

-Да, я из Сосновки, а зовут меня Лида.

И она протянула мне свою узенькую ладошку, за которую я вцепился изо всех сил и потерял дар речи! В полутьме я увидел её ироничный и насмешливый взгляд, но руку-то она не отняла! Наше рукопожатие затянулось до конца фильма! Я даже и не шелохнулся ни разу, а только мучительно сглатывал ставшую тягучей слюну.

-Лида, давай завтра сыграем парой на первенстве лагеря по теннису: ты здорово работаешь на дальней дистанции, у нас всё должно хорошо получиться.

-Да мы с тобой ни разу в паре не сыграли! Пролетим!

-Игра покажет...

На следующий день после обеда пошла рубка на четырёх столах. Желавших было много, мы играли в парном разряде, и моя напарница то и дело срывала аплодисменты и дикие крики девчонок из её деревни. К финальной партии мы уже так приноровились к повадочкам друг друга, что работали, как единый организм, и я был уверен в нашей победе. Мы уже слегка устали, выбив несколько пар по олимпийской системе, но Лида держалась бодро, часто улыбалась мне, и я чувствовал, что она готова играть со мной хоть до упаду. Я в глубине души радовался, что мы так долго держимся вместе, и мне казалось, что Лидия тоже выкладывается на всю катушку, не желая расстаться со мной после возможного проигрыша.

Финал для нас уже ничего не решал, любой его исход означал только одно: нам пришлось бы разойтись

по своим углам, а мне надо было бы искать новый повод для встречи с этой красивой девчонкой. На игру я вышел без особого горения, а, увидев парочку наших противников, окончательно сник: Митя Федяев был чемпионом школы, а в паре с ним играла симпатичная девушка, которую я знал только по теннису. Но Лида-то не знала Федя и на игру вышла с таким настроем, что мы даже вели некоторое время в счёте! Однако Митя не собирался сдаваться, резко сказал что-то обидное своей партнёрше, та встрепенулась и заиграла, как пантера, вытаскивая длинные мячи.

*Дмитрий с напарницей в студенческие годы стали
Мастерами спорта СССР.*

В итоге мы проиграли. Лида перекинула мяч с дальней дистанции через сетку, но Митя со снисходительной улыбкой небрежно и очень нежненько переправил его на нашу сторону буквально в пяти сантиметрах от стойки! Дотянуться до него не смог бы никто! Все вокруг кричали и прыгали, а я положил ракетку на стол и ни на кого не смотрел. Ко мне подошла Лида, ткнула кулачком в плечо:

-Лёнь, а всё-таки здорово мы их помотали! Ты играл, как лев! Пойдём искупаемся, а то я вся в пыли, вон сколько её натоптали за полдня.

-Пойдём!

Мы валялись на пляже, купались, никого вокруг не замечая, и это были самые счастливые минуты в моей жизни!

-Лид, а Лид...

-Что?

-Да так, ничего...

-Тогда на ужин? Прихвати сумку. В кино сегодня пойдёшь?

-Обязательно пойду!

После ужина я надел чистенькую белую маечку, подгладил брючки-дудочки и к началу сеанса уже поджидал свою новую подружку (мне так казалось!) под столовским навесом, держа ей место рядом. Но Лида не пришла... Это меня неприятно уязвило и мне казалось, что весь лагерь смотрит в мою сторону, а не на экран. Не досидев до конца фильма, я ушёл в нашу отрядную палатку и лёг спать. Слишком длинным был этот день...

В лагере был такой порядок: на ночь назначалась дежурная группа из пяти-шести человек со взрослым воспитателем, надо было присматривать за лагерем.

Палатки стояли по кругу, в центре его разжигали небольшой костёр, располагались поудобней на брёвнышках, и всю ночь говорили о чём попало. И даже нехорошие анекдоты о Хрущёве и кукурузе рассказывали, никого и ничего не боясь. По правде говоря, плохишей из нас не получилось, но эти маленькие уроки цинизма тоже воспитывали нас, жить хотелось так, чтобы о тебе подобных баек не рассказывали! Изредка ребята делали обходы лагеря, возвращались и снова лились бесконечные разговоры на самые разные темы. На одно из таких дежурств мы с Лидой попали в одну группу. После кино, приодевшись потеплее, мы расселись у костра, Лида как-то удобненько прислонилась спиной к моей спине, и так мы с ней отдежурили полночи. Старшей была пионервожатая Людмила Татаринцева, чуть постарше нас, но простая и скромная, и, как я теперь понимаю, ещё и большая умница...

Кумир не только пионеров...

-Лёня и Лида, ваша очередь на обход, прогуляйтесь до столовой. Да будьте осторожней, там иногда собачки

деревенские рыщут.

Мы обошли палатки, везде было тихо, и двинулись к столовой. Уже светало, ничего и никого мы не заметили, и тут я решился в оставшуюся минуточку переговорить с Лидой.

-Лид, ты не приболела?

-Нет, а что?

-Да так, ничего, ждал тебя в кино, а ты перестала ходить. Ну, я и подумал...

Лида повернулась ко мне, и я почти в упор увидел такое милое и дорогое для меня лицо, стало как-то тревожно, будто вот-вот должно было что-то случиться, неотвратимое, как новый год. Мне до ужаса хотелось обнять эту девчонку и целовать её глаза, губы, тяжёлые косы, говорить какие-то уже совсем недетские слова... Лида грустно улыбнулась и нежно провела пальчиком по моему носу сверху вниз:

-Лёня, никогда не требуй от меня объяснений.

Вас никогда током не било? Я потерял дар речи, а это чудо природы смотрело на меня и из глаз её текли слёзы. Она как-то ломко прикусила губу и резко отвернулась от меня. И ушла. Гордая и прямая. Я поплёлся следом, доложил нашей старшей Людмиле, что от столовки мы прогнали трёх собак. И до самого подъёма молча просидел рядом с Лидой, не смея, однако, к ней прикоснуться.

Так и закончилась первая в моей жизни романтическая ночь с девчонкой, в которую я был так безумно влюблён. А тут и смена закончилась, недели за две до первого сентября развезли нас по домам. Сосновские уехали на автобусе. Попрощаться по-хорошему не получилось, я только и запомнил будто окаменевшее лицо

Лиды за стеклом машины, а через мгновение всё скрылось в клубах пыли просёлочной дороги. И тут подходит ко мне мой дружок - ещё с первого класса - Вадик Котов и говорит:

-Лёнь, ты это... Не переживай... Приедем домой, попрошу у брата мотоцикл да и слётаем в село, посмотрим, как они там живут. Ты хоть фамилию узнал этой девчонки?

-Да, узнал. Штерн её фамилия. Вроде, звезда по-нашему.

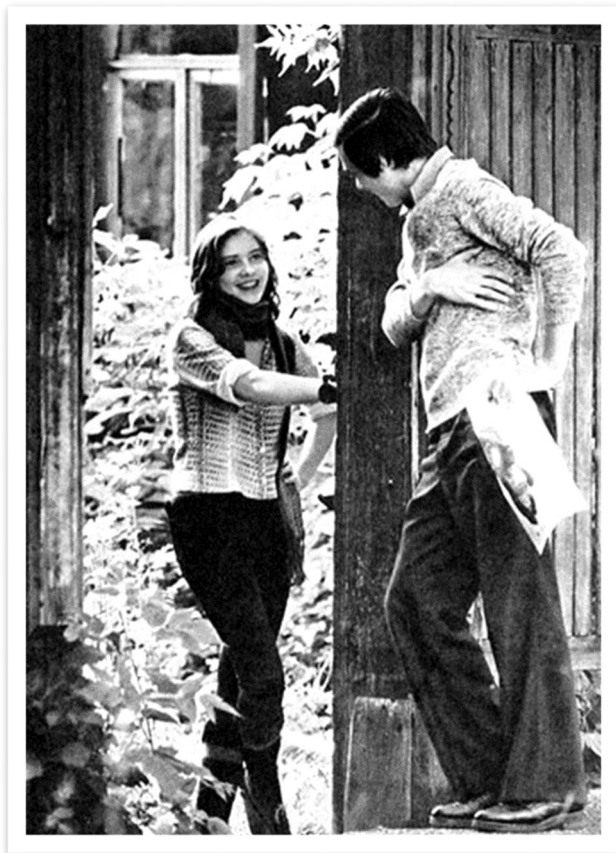
-Вот это да! Так это мама у неё звезда! Помнишь, в прошлом году крутили киножурнал, что доярку Штерн орденом Ленина наградили за большие надои? Так, выходит, это мама Лиды! Эх, Лёнька, не обжечься бы тебе на этих звёздах! Ты же не поедешь в деревню жить, если твоя Звёздочка останется работать дояркой? Может, лучше забыть нам про всё, жизнь-то впереди? Ещё учиться и учиться вон сколько надо!

-Вадя, спасибо тебе за мотоцикл, ты настоящий друг! А учиться с тобой мы будем столько, сколько надо будет! – и я обнял своего друга так крепко, что он еле пробурчал:

-Да ладно тебе... Задавишь...

Вернувшись из лагеря, я узнал, что нашу старенькую школу закрыли, учиться теперь мы будем в новой школе на другом конце посёлка. Ходить придётся дальше, это три километра, но других вариантов нет.

И вот первого сентября мы собрались в новой школе на первый урок в девятом классе. У нас появились новенькие ребята из пришкольного интерната, в который определяли учеников после окончания восьмилетних

*Свидание в Сосновке.
Фото Вадима Котова. Август, 1963 года.*

школ в сёлах. И вот тут-то я и увидел знакомых по лагерю ребят из нескольких деревень, да и незнакомых тоже. Что-то ладони мои припотели в тот самый миг, когда я увидел среди девчонок свою Звёздочку! И она меня заметила сразу, улыбнулась сдержанно, не разжимая губ. Наши одноклассники шумно здоровались, обнимались с новенькими, вспоминали летние приключения, а мы с Лидой только украдкой посматривали друг на друга, и

я боялся к ней подойти. Вот так и начался наш новый учебный год, сдержанно и прохладно. Потом всё пошло не так, как хотелось... На первой же неделе меня избрали секретарём комитета комсомола. И я понял, что влип серьёзно и надолго в такую обязаловку, которая будет мешать мне учиться. Но отступить было некуда...

Школа была большая, комсомольцев на учёте состояло шестьсот человек, их было по тридцать в двадцати классах, и каждый месяц с этой орды надо было собрать по две копейки взносов. Меня костерили за ведомости и задолжников в райкоме комсомола, я повышал голос на группкомсоргов, они приводили должников на школьный комитет... А в те далёкие времена коробка спичек стоила копейку. Со школы набиралось 12 рублей. Так нас приучали к дисциплинированности и организованности...

Так вот числа десятого пригласил меня к себе директор школы Иван Васильевич Коноваленко, ветеран войны, инвалид: ему ногу оторвало, ходил он на протезе, но пользовался костылями. Захожу в кабинет, а он мне и говорит:

-Леонид, подойди ко мне, глянь в окно, видишь, коровы гуляют по двору? А если мальчика на рога поймают? Сидеть мне в тюрьме до конца своих дней! Как думаешь, для того я Варшаву брал? Давай-ка, брат, поднимай свою гвардию, и на воскресенье боевая задача: обнести территорию забором. Со сплавконторой я договорился по материалам, обещали помочь.

-Есть, Иван Васильевич, не подведём! – ответил я и помчался рысью по группкомсоргам: мобилизация комсомола на воскресник – дело святое!

В воскресенье всё кипело вокруг школы! Наши учителя на рядовых правах работали вместе с комсомолом.

Наш любимый директор. По праздникам костыли менял на трость. Люди-легенды!

Наш трудовик Николай Фёдорович ставил колышки на месте будущих столбов, группам отмеряли участки вокруг стадиона, школы, интерната, сада и подсобно-опытного участка, кое-где лопаты уже вгрызлись в землю. Тут же повалили машины из речной сплавной конторы со столбами, прожилинами, штакетником, гвоздями, а на одной машине привезли заготовки на настоящие ворота, директор показал, где им стоять, и дедушка-плотник тут же начал руководить их сборкой и установкой.

Наш комсомольский батальон быстро расправился с копкой ям, потом пришли к столбам прожилины, дошла очередь до штакетника. Мне отмеряли десяток метров забора, я вооружился молотком, взял банку с гвоздями и приступил к работе.

-Лён, я буду помогать тебе, так девчонки решили.

-Ну, решили, так решили, – я оглянулся. Рядом стояла Лида. Была она одета в ладненькую фуфаечку, а на голове у неё был симпатично повязанный платок - осень в наших краях была прохладной.

-Лида, ты штакетины подноси, куча далековато, много не бери.

-Есть, командир! – и она скорым шагом пошла к школе за штакетником. Потом она придерживала рейки, проверяла отвесом вертикали, я вколачивал гвозди, и дело двигалось к концу. Я достал перочинный нож и, ничего не говоря Лиде, нарезал на четырёх рейках на уровне прожилины буквы её имени – Л И Д А.

-На память. Мы же когда-нибудь придём сюда? Лет через двадцать?

-А ты сильно этого хочешь?

-Да. А ты?

-Леон, а ты помнишь, как позвал меня на теннис?

-Да, не забыл...

Лида подошла ко мне так близко, как не требовалось для прибивания штакетин:

-А знаешь, если бы ты тогда позвал меня вечером на пляж или прогуляться, я бы согласилась...

Вот так наша школа обзавелась забором и красивыми воротами у парадного входа. Под этими воротами и гаркнули мы в полтысячи глоток громовое «УРА!!!» Лида стояла чуть позади меня и обеими руками держалась

за мои плечи. Иван Васильевич тоже кричал «ура», а потом ещё и добавил: «Даёшь Варшаву!» Чёрт меня побери, наверное, это снова были самые счастливые минуты в моей жизни! Я повернулся к своей помощнице и, в порыве прилившей нежности, слегка прислонился лбом к голове Лиды, прикрытой коричневым платком. Она не отклонилась, но смутилась и прошептала:

-Сумасшедший...

-Лида...

-Потом, Лёничка, потом...

Это «потом» свалилось на мою голову месяца через два. Пригласил Иван Васильевич к себе в кабинет и подаёт мне бумагу:

-Изучи. На комитете сделайте внушение. Потом доложишь.

Вышел я и «изучил» докладную сторожихи интерната бабушки Шуры. Оказалось, что Лида Штерн, обмотавшись ночью белой простынёй, до смерти перепугала мальчика из первого класса Игорька, и потому просила примерно повоспитывать Л. Штерн вплоть до исключения из нашей школы! Господи, да что же это за такое творится в родном доме? Заглянул с утра пораньше в интернат: посередине фойе, налево девочки, комнат десять, направо – мальчики, по концам коридоров туалеты. Баба Шура уверена в криминальных наклонностях Лидки и обрисовала картину, как Игорёк перепугался, увидев приведение... Зашёл к мальчишке. Откуда первоклассник у нас? Оказалось, осиротел: мама умерла, а папа осуждён и надолго... Вот его и определили временно в наш интернат. Ночью Игорь сходил в туалет, а потом пошёл на огонёк к сторожихе попить водички, увидел приведение и закричал, подняв всё общежитие! Так, кое-что проясняется...

Встречаюсь с Лидией, а у самого ком в горле, говорить не могу...

-Штерн, ты это... Прочитай...

Игорёк.

Фото из личного дела

Звёздочка внимательно прочла корявенький «документик» и вернула его мне:

-Ну, знаешь, Денисов, такого я от тебя никак не ожидала! – говорит, а у самой глаза на мокром месте.

-А дело было так. Я вставала по своим делам, накинула простынку, возвращаюсь, а по коридору сонный мальчонка идёт-качается, дай, думаю, помогу. Мы с ним и встретились в фойе, Григорьевна

спала, малой очнулся и закричал диким голосом, я его успокоила, уложила, а Александра Григорьевна проснулась и накричала на меня. Вот я-то никого не будила и не пугала. А ты поверил... Эх, ты, Лёня».

-Ты того... Это... Посиди минутку.

Тяну Игорька в фойе.

-Игорёша, ты боишься Лиду? Она пугает тебя или обижает?

-Неет...

-А хочешь, она тебе сестрёнкой будет?

-Настоящей сестрёнкой? Не врешь?

-Я никогда никому не вру.

Вот тут-то всё и пошло по Вильяму нашему Шекспиру! Век такое не забудешь!

Игорь – сиротиночка без мамки, не веря такому счастью, бросается к Лиде и кричит, захлёбываясь в плаче:

-Лидочка, сестрёночка, я тебя всегда буду любить и слушаться, печеньки с обеда буду тебе приносить, ты только не бросай меня!

У Лиды - слёзы, она почти упала на колени, обняла пацанёнка и стала целовать его. Ох, и солоно у меня в глазах сделалось!

- В общем, так, Штерн, комитет комсомола назначает тебя наставницей мальчика. Форма, уроки, чтоб никто не обижал, и всё такое. Решение оформим письменно в протоколе заседания комитета. Ты согласна?

-Да, - трясущимися губами шепнула Лидия, - согласна. А рядом крестилась баба Шура...

-Игорёк, пойдём к Лиде в комнату, посмотришь, где она живёт. Мы прошли две или три комнаты, Лида отворила дверь в свою, и я подтолкнул мальчонку в жилище для четверых девчат. Чистенько, аккуратненько, всё по полочкам... На одной кровати рядом с подушкой лежал журнал «Юность» с адресом моего дома на обложке!

-Лида, а чья это койка? – просил я у Штерн.

-Моя, - ответила она. «Спокойно, Ден, спокойно...»,

- это я уже себя в руки беру... Ладно, пора и на уроки.

Пришкольный интернат. Здесь жили ребята из посёлков нашего района.

На первой же перемене подваливаю к Вадиму на серьёзный разговор. Это он у меня попросил журнал с повестью Бориса Балтера «До свидания, мальчики!». Ну и как он оказался на койке Штерн? За моей спиной шашни разводишь? Тоже мне, друг!

-Слушай, ты, - Вадим схватил меня за борт пиджака, - ещё слово, и ты мне на веки вечные не товарищ. Как он у Лиды оказался, я не знаю, у меня его попросила почитать Зоя Обушкова, я не мог ей отказать, они с Лидой обе из Сосновки. А журнал я тебе верну, не думал, что ты такой жмот...

-Ладно, тормози. Пусть девчонки читают. По рукам?

-По рукам! Извини, что-то я взбеленился, наверное, из-за Зойки, всю душу она мне вымотала!

(О, как у нас всё запутано...).

На неделе собрали комитет, пригласил Ивана Васильевича. Персональное дело: о неправильном поведении Лидии Штерн и недостатках в воспитательной работе в интернате. Докладчик Денисов Л. Штерн присутствует. «Выйди к доске, Штерн». Это член комитета Жилкина всё расставляет по местам. Лида вышла, правую руку запустила за спину и обхватила ей левую. Я ознакомил комитетчиков с «телегой» бабы Шуры, о проделанной работе и проектом решения комитета: назначить Штерн Л. наставницей Игоря Корнеева на всё время пребывания малолетки в интернате.

-Кто за?

Несколько рук взметнулись сразу, потом подтянулись и другие, но тут вдруг встала Тамара Жилкина и заявила, что разговор о поведении Штерн должен быть чуть глубже и жёстче. Я уткнулся лицом в пол и начал

краснеть, наливаясь какой-то тёмной злобой к этой отличнице. Ведь комитет уже проголосовал! А она принялась рассказывать, что Штерн слишком много и заинтересованно болтает о мальчиках и девочках, читает какие-то не наши повести. А по геометрии у неё две двойки за неделю. И предлагает записать Лидии Штерн строгий выговор или исключить её из комсомола. Лида стояла бледная, ни одной кровиночки на лице... Мне было так неловко, что я готов был сквозь пол провалиться! Да что же мы тут такое творим? Мракобесие какое-то! Я не могу спасти любимую девчонку от этого распятия, а нам бы вдвоём укатить на лыжах в сопки на полдня, да забыть обо всём на свете! И тут меня окликнул директор:

-Леонид, о чём идёт речь? Что это там твои комсомолки читают? Какую ещё такую не нашу литературу?

Я встал и отчеканил:

-Иван Васильевич, речь идёт о вполне легальном журнале «Юность», это же наш советский журнал! Борис Балтер - ветеран войны, как и Вы, написал замечательную повесть «До свидания, мальчишки!», в которой рассказал о любви и дружбе мальчишек и девчонок перед войной. А Жилкина здесь чушь городит о какой-то контре Штерн. И если мы дошли до того, чтобы исключить Штерн из комсомола, то исключайте и меня: журнал Лиде дал я, можете проверить, на нём написан мой домашний адрес!

Тут поднялся такой шум, что директорского голоса никто не услышал! А у Лиды на лице только глазищи и видно! Держись, моя Звёздочка, не на одной Жилкиной свет клином сошёлся!

-Друзья мои! – это уже Иван Васильевич слово взял. – Я читал эту талантливую повесть. Тамара, и тебе

советую почитать, не отставай от своих. Хороший был сегодня разговор, полезный. Позвольте, я откланяюсь. Вы уж тут без меня, – и ушёл по своим делам. Через несколько минут разошлись и мы...

«До свидания, мальчики!». Кадр из кинофильма.

дыша... Она взялась обеими руками за лацканы моего пиджака, и потом, глядя мне в глаза, слегка дрожащим голосом произнесла:

-Ден, а ты настоящий друг. Спасибо тебе за всё. Мама не пережила бы моего исключения...

И поцеловала меня куда-то в щёку. Меня как будто кипятком ошпарило! Что же ты делаешь со мной, Лида? Класс напряжённо молчал, и эта немота становилась уже невыносимой! Выручил звонок на урок, у меня сердце чуть не лопнуло... Но день ещё только начинался! Наша русалка Наталья Ивановна пришла на урок, неся на руке приличную стопку тетрадей с нашими сочинениями. Положив их на стол, она учинила разбор нашей последней работы, и, когда дошла очередь до меня, сказала, что я тетрадь не сдал, поэтому она ставит мне двойку.

Я дёрнулся возразить, но моя любимая учительница, не повышая голоса, осадила меня:

-И не спорь со мной, Денисов, ты при чинах, с тебя и спрос особый.

Пришлось мне написать сочинение в новой тетрадке, писал я их всегда на пятёрки...

По субботам в нашей школе устраивались танцы.

«Я приглашал Лиду на все вальсы...»

Я тоже бегал потанцевать, это была хоть какая-то разрядка от повседневной канители! Я приглашал Лиду на все вальсы, и она никогда мне не отказывала. На этот раз, как обычно, очередной танец объявили белым, я

принапрягся, ожидая, что Лида пригласит меня, но она протянула руку рыжему Решетникову, тот осклабился до ушей и прильнул к ней. А меня выхватила Светлана Исаева, самая яркая девчонка в нашей школе. Сказать, что она была красавицей, значит, ничего не сказать! Природная блондинка, Светка как будто с обложки не нашего журнала сошла! В уголках глаз, в крыльях носика таилась какая-то голубизна, и одноклассники её просто боялись, как огня! Мы закрутились в танце, и тут меня провало! Ну откуда всё это берётся? До сих пор не знаю...

-Свет, а давай мы с тобой после школы поженимся? Я тебя буду на руках носить до гроба!

-Да ну тебя, Лёня! Нам ещё учиться да учиться, а тебе ещё и в армии три года служить! Нет, бросишь ты меня, да и я не уверена, что дождусь...

-А девчонки своих мальчишек с войны и побольше годочков ждали...

-Ден, я бы тебя тоже с войны ждала, - и положила свою головку на моё плечо, пряча глаза.

-Исаева, а можно тебя поцеловать? – жарко зашептал я на ушко моей блондинке. Ветка встрепенулась, осторожно огляделась:

-Только не здесь...

-Я жду тебя на втором этаже...

И ушел из зала. На второй этаж вели две лестницы, одна из фойе, другая была в конце коридора. Я направился к фойе, оглянувшись, увидел Исаеву. Она пошла в конец коридора... Меня залихорадило!

-Что я делаю? Зачем?

Мы встретились на втором этаже и обнялись.

-Лёничка, с тобой так хорошо, - прошептала Светлана и потянулась ко мне, подставляя губы. Отступить было

некуда, и я как-то горячечно несколько раз поцеловал мою красавицу. Видимо, рука скользнула не туда, куда надо, и я услышал жалобный голосок моей Веточки:

-Нет-нет, Лёня, не надо! Ты и так моя беда, знаю, кого ты любишь. Я хочу запомнить тебя таким...

«Лёня, не надо...»

Вернулись мы вниз порознь, но я уже не пошёл в зал, а оделся и ушёл домой. На душе было так мерзко, как будто я совершил какую-то несусветную гадость. Было стыдно и перед Светкой, а ещё больше за подлость по отношению к Лиде: подумаешь, пошла танцевать с этим мокрогубым Решетом, велика беда...

Велика!!!

В апреле умер Иван Васильевич. Хоронили его всей школой. Остановились у ворот, которые ещё блестели выступившей смолой, прозвенел последний звонок для нашего директора. Похоронили его на бугорке, ближе к середине кладбища. Вот тебе, Лёнька, и «До свидания, мальчики!» А сколько мы макулатуры сдали с нашим

директором! Сколько металлолома насобирали в радиусе трёх километров! Потом я узнал, что партбюро школы дало поручение коммунисту Коноваленко: курировать работу комсомольской организации. Мы потеряли друга, наставника, старшего товарища, героя войны... Слёзы душили не одного меня... Прощайте, Иван Васильевич, Ваши уроки я никогда не забуду!

А в лето после девятого класса наша семья переехала в соседнюю область, поближе к отцовской родине, у меня появились новые друзья, были знакомые девчонки. Я отслужил три года в армии, потом заочно учился в своей академии, работа была интересная, но лет за двадцать я ни разу не побывал в Лесогорье, всё как-то не получалось, да особо и не тянуло. Семья у меня была прекрасная, мы дружно преодолевали трудности бытия, я до сих пор восхищаюсь своей женой и содрогаюсь от мысли, что мог с ней разминуться в своей жизни! И вот однажды меня отправили на краевой семинар лекторов общества «Знание», дорога позволяла заехать в родные места, и я отпросился у начальства на три денька в счёт отпуска, чтобы заглянуть в посёлок, который записан у меня в паспорте, как место моего рождения.

Я и заехал туда тёплым солнечным днём, зашёл в кафе перекусить с дороги, занял очередь и стал приглядывать в меню блюда для своего обеда.

-Вы последний, мужчина?

Я оглянулся и обомлел! Господи... Исаева...

-Лёня, ты?

-Привет! – прошевелил я губами, не открывая рта.

-Какими судьбами в наших краях?

-Да вот по пути решил заехать, на море посмотреть...

Как будто и не расставались! И Светка – Мэрилин Монро нашего лукоморья!

-Лёнь, давай перекусим да посидим где-нибудь, столько лет не виделись!

Мы вышли из кафе и присмотрели лавочку рядом в скверике у вялого питьевого фонтанчика.

-Ден, ты помнишь наш девятый?

-Ну конечно, разве такое забудешь?

- Знаешь, нескольких наших ребят уже нет с нами? А кое-кто далеко-далеко отсюда и по родным местам не скучает.

-Да ты что, Светлана? Слава Богу, ты жива!

-Да вот, видишь, пока жива. А наша Лида скончалась через день после родов, случилось осложнение, врачи не смогли её спасти.

(Что со мной? Почему так лихорадочно зачастило, да ещё вразнобой, сердце? Отчего так зарябило в глазах?)

-Эх, Лёня, знал бы ты, как она тебя любила! Это она взяла твою тетрадку с сочинениями со стола Натальи Ивановны, читала и плакала, о причине никому не говорила, а мне однажды тоже дала почитать. И тогда мы решили, что ты станешь писателем. Ты пишешь сейчас?

-Да так, изредка сочиняю романсы...

-Она ничем не хотела причинить тебе боль, потому и стала избегать тебя.

-Какую боль, ты о чём? Разве тогда могло быть что-нибудь большее разрыва наших отношений?

-Могло, Лёнечка, могло... Мы в Сосновке ходили в наш клуб на репетиции, пели да танцевали, выступали по праздникам. Однажды завклуб попросил её остаться протереть полы после занятий, а сам надругался над ней и

сбежал. Вот Лида и боялась, что если в новой-то школе кто-нибудь из деревенских проболтается о её беде, то ты её бросишь, и поэтому сама не стала встречаться с тобой.

Я поник головой, потрясённый словами нашей Ветки, и не мог сказать ей ничего вразумительного, только мычал что-то нечленораздельное, а перед глазами кружилась Лида в объятиях Решетникова... Так вот оно как всё обернулось! Ну и тупой же ты, Денисов, ох и тупой! Чурбан! Не смог хоть чем-то помочь любимой девчонке!

- Лучше всех пристроился Юрка Сероглаз. Он же на трубе играл. В армии сразу в окружной Дом офицеров попал, играл в оркестре. Приглядел генеральскую дочку и... совратил. Ну и куда генералу деться? Сыграли свадьбу, а тесть его в политическую академию определил, от туда наш циник вышел майором, служит в Москве, в политуправлении, квартира, машина, дача...

Мы помолчали минуту-другую... Ветка вдруг вскинулась, затрепетала ресницами и сказала, что дружок мой - Вадик Котов - погиб в Афгане и похоронен рядом с директором.

-Да, и Лиду схоронили недалеко от Ивана Васильевича. А вот Жилка в областной молодёжке работает, всё сплетни собирает, учит нас, как правильно надо жить...

Светлана встрепенулась:

- Ой, пора на работу, ты извини, всего не расскажешь... А я работаю рядом, в сплавконторе, - она изящно повела рукой в сторону двухэтажного конторского особняка. – Лёня, а я тебя до сих пор люблю... Да тебя вся школа любила! Не знал? Можно, я тебя поцелую? – и не успел я огласить своё решение по данному вопросу, как она поцеловала меня в уголок губ.

–Прощай, Лёничка. Не поминай лихом наше Лесогорье». И ушла, ломаясь в талии, скрылась в конторе, ни разу не оглянувшись.

Времени до отъезда моего автобуса было предостаточно, и я решил сходить на кладбище. У школы огляделся и нашёл два пролёта, к которым мы с Лидой когда-то прибывали штакетник. Забор поветшал, но два десятка лет его не сломали. С бьющимся неровно сердцем, я нашёл те самые штакетины, на которых ещё можно было прочитать ЛИДА, но вот рядом надпись была продолжена: +ЛЁНЯ! Я был потрясён этим приветом из прошлого до глубины души! Лида, Лидочка, уж не ночью ли ты сюда приходила? Днём-то нездорово девушке заборы резать! Я протёр глаза платком и пошёл дальше, в сторону кладбища. Оно разрослось неимоверно, но я легко нашёл могилу Ивана Васильевича, положил несколько саранок, сорванных по пути, к памятнику, минуты две-три потоптался и, оглядевшись, увидел могилу Лиды. С фотографии глядела изумительной красоты женщина лет двадцати пяти, вот тут-то я и застрял надолго соляным столбом:

-Здравствуй, Звёздочка, - и ожёгся: на памятнике было написано РЕШЕТНИКОВА ЛИДИЯ ПЕТРОВНА... Какой-то безумный день... Я опустился на колени и аккуратно положил на плиту несколько из оставшихся у меня цветков:

-Прости... Я не знал... Ты для меня всегда живая. Прости за всё...

Я встал, повернулся и шагах в десяти нашёл памятник Вадиму Котову. Новый памятник, строгий и красивый. На нём хорошо читалось: Котов Вадим Николаевич...

Подполковник...

Герой Советского Союза... посмертно...

Погиб при исполнении интернационального долга...

1947 – 1984.

-Как же так, Вадик, неужели нельзя было уберечься? Чуть бы поосторожнее...

Мне показалось, что я услышал сухой и прокалённый голос моего друга:

-Понимаешь, старик, иногда бывают обстоятельства, когда по-другому нельзя. Главное, остаться до конца человеком!

-Эх, Вадя, кому же мы с тобой задолжали в нашем Лесогорье? И почему все долги повесили на тебя? Небось, Сероглаз до сих пор хвастает дружбой с тобой, твоими портретами перед молодёжью машет, к героизму призывает... А я тебе саранок принёс, красных саранок, Вадя...

«Как же так, Вадик..?».

Уходил я с погоста на ватных, а может, и на деревянных ногах. Выбрал самый короткий путь к берегу моря и притопал к устью Красавки. Недалеко кучковалась компашка мальчишек, и я подошёл к ним. Они угостили меня подвяленными на костре чилимами, и тут я приметил парнишку лет двенадцати, а уж когда он внимательно посмотрел на меня, то я неловко поперхнулся: густоволосый и темноглазый, он был копией Лиды.

-А ты чей, парничок, будешь?

-Решетников я.

-А кто твоя мама?

-Нет у меня мамы, она умерла, когда я родился, а звали её Лидой.

-Прости... Сейчас-то ты с кем живёшь?

-С отцом. Он потом снова женился на красивой тётенке, мы с ней хорошо живём. Её зовут Света, она в сплавной конторе работает.

(Слушай, малец, это уже ниже пояса...).

- Зовут-то тебя как?

-Лёней. Так мама перед смертью врачам наказала.

Я смотрел на Лёньку, а на душе у меня было так тяжело и душно, что я с трудом глотал комковатый воздух. И что там так надсадно стучит в голове? Чтобы перевести разговор на другую тему, я любопытствовал у мальчишек:

-Хлопцы, а вы что-нибудь про Котова знаете?

Пацаны загалдели разом, и я понял, что все о нём всё знают, потому что пионерская дружина в школе носит имя Вадима Котова, Героя Советского Союза. Пора было уходить, и я распрощался с «котовцами»:

-Ну что, мальчишки, до свидания! Спасибо за угощение. С морем будьте на вы!

Потрепал Лёньку за вихры, пожал руки своим новым знакомцам и пошёл на автовокзал.

Автобус пылил по гравийке на станцию, а позади меня шумело море моего детства, бескрайнее и бездонное, пока за очередным поворотом не скрылось Лесогорье. То самое, в котором у меня так остро воспаляются чувства. И никакие карантинны времени над ними не властны, как и нет лекарств против этого воспаления... И так неописуемо больно...

«Прощай, Лесогорье!»

СВЕТЛАНЕ ИСАЕВОЙ

Поздняя осень:
Кружится листва,
Спадая ковром на тропу.
Память о прошлом
Теплится едва,
Я помню весну только ту...
Знакомая роща, заросшая тропка...
Она за собой нас к безумству вела...
Мы были наивны, мы были робки,
Но рядом черёмуха буйно цвела!

Годы промчались,
И рядом – зима
Колдует, виски серебря.
Девочку-песню
Из детского сна
Украла в то лето заря.
Забуть невозможно, боль сердце сжимает,
Не всё, что хотелось, тебе я сказал.
Вас рыжий сентябрь сейчас обнимает,
А я Вас в апреле тогда целовал...

ЛИДИИ ШТЕРН

Вот и всё, отшумели метели,
Отзвенели ручьи по весне,
Осень бродит по тёмным аллеям,
И в саду наяву, как во сне.

Я иду по ковру золотому,
Луч заката печально ловлю...
Ну и что ж, что кому-то другому
Ты однажды сказала: «Люблю»?.

Кружат лёгкими тенями мысли,
Что обманут, и сам себе лгу:
Глаз твоих и волос золотистых
Я забыть никогда не смогу!

Ах, как жажду я встречи с тобою!
Ты мне скажешь последний привет.
И меня позовёт за собою
Невесомый, как тень, силуэт...

МГНОВЕНИЯ...

МГНОВЕНИЯ...

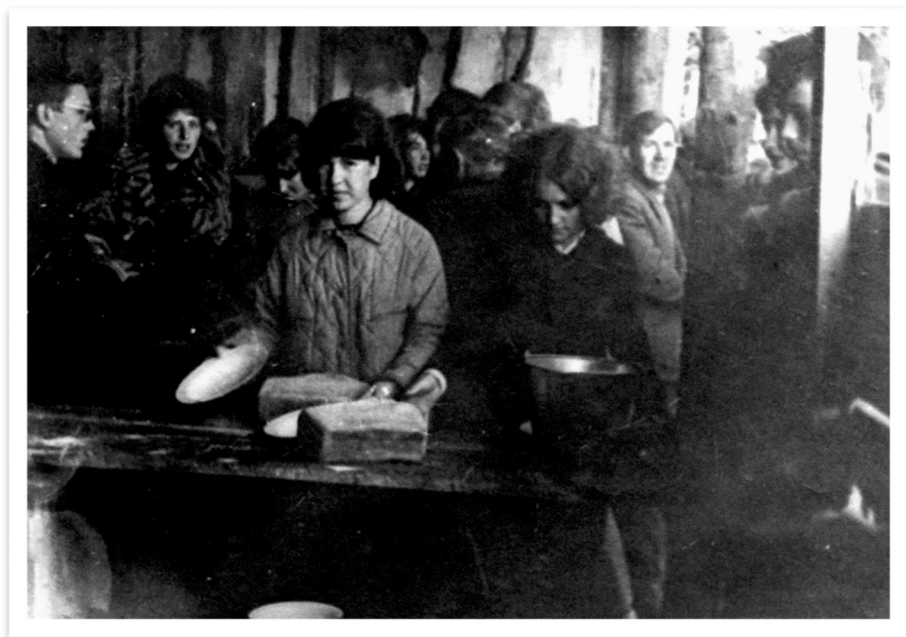
МГНОВЕНИЯ...

Совхоз «Приозёрский». Лагерь труда и отдыха.

Операция «Зелёный пожар».

Даёшь рекордный урожай родине!

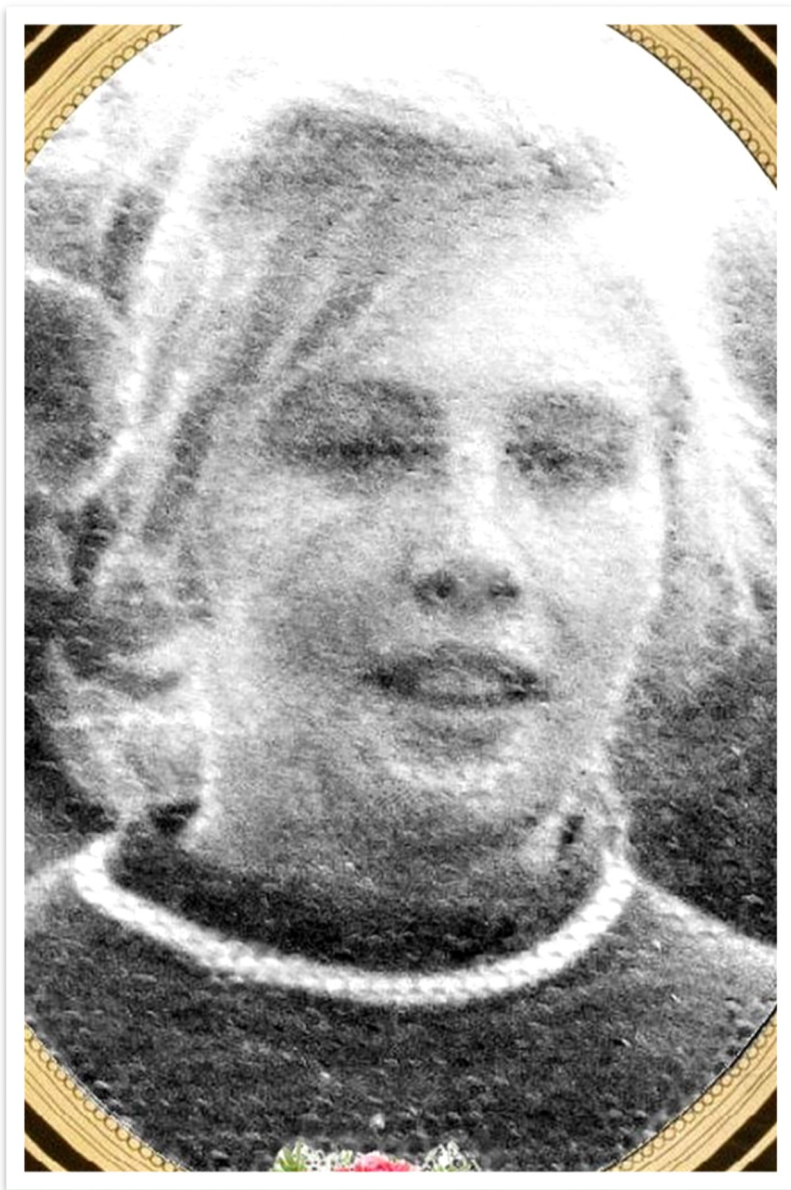

Наша полевая столовая. Здесь же по вечерам мы смотрели кино.

В проходе стоит Лёня Денисов. В центре – Тамара Жилкина.

Лёня Денисов и Вадик Котов

Светлана Исаева, любимица всей школы, пионервожатая,
будущий начальник производственного отдела
Лесогорьевской лесосплавной конторы

Родители Лидии Штерн: отец – дядька Пётр и мама – тётя Валя. Совхоз подарил Лидиной маме в придачу к ордену мотоцикл с коляской! На этом мотоцикле они приезжали в райцентр попроведовать свою дочь, после чего интернат неделю наслаждался соленьями и вареньями от родителей Лиды.

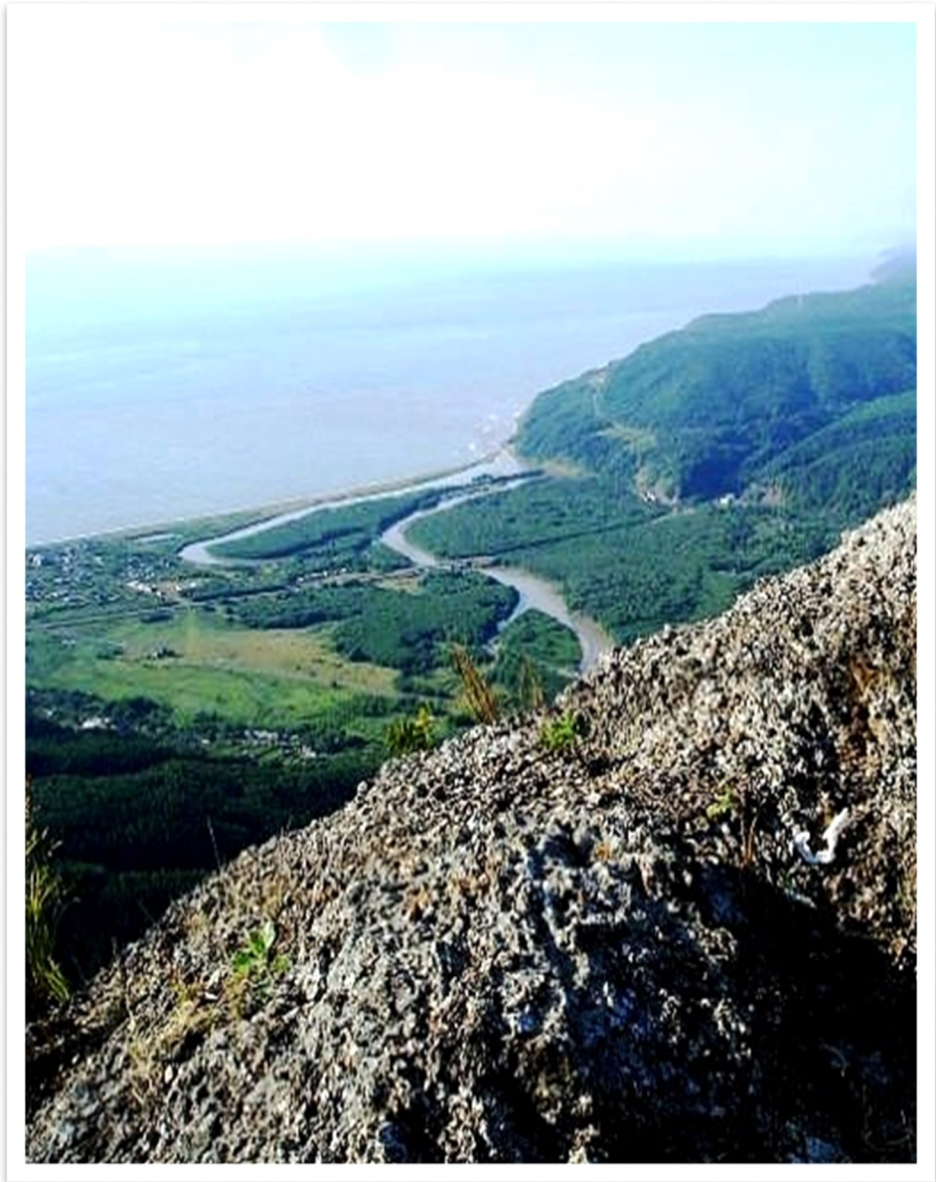
Леонид и Лидия – теннисное «застолье» до упаду!

Песчаная коса на берегу Красавки... Место, где воспаление чувств становилось всеобщей эпидемией... Так давно всё это было, но кажется, будто случилось только вчера! А говорят, что время лечит...

Очень даже спорное утверждение!

Наше лукоморье с высоты птичьего полёта...
(Вершина Лесогорьевского пика).

«Прости...»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№08046054

Фамилия Дегисов
Имя Арсений
Отчество Шамович
Год и месяц рождения 26 апреля 1947 года
Время вступления в ВЛКСМ 23 февраля 1963г.
Лесогорьевский райком
(наименование комитета комсомола, выдавшего билет)
ВЛКСМ Дальневосточного

Ира
М. П. Седан
Секретарь
комсомольского райкома
«23» февраля 1963 г.
(подпись)
(договор печати)

УПЛАТА ЧЛЕНСКИХ ВЗНОСОВ 19 <u>63</u> год			
Месяц	Месячный заработок	Сумма взноса	Подпись секретаря
Январь			
Февраль			
Март		5-02	<i>Ира</i>
Апрель		0-02	<i>Ира</i>
Май		5-02	<i>Ира</i>
Июнь		0-02	<i>Ира</i>
Июль		5-02	<i>Ира</i>
Август		0-02	<i>Ира</i>
Сентябрь		5-02	<i>Ира</i>
Октябрь		0-02	<i>Ира</i>
Ноябрь		5-02	<i>Ира</i>
Декабрь		5-02	<i>Ира</i>

Фото из фондов музея Лесогорьевской школы № 1...

ОТ АВТОРА

Много лет прошло с тех пор, когда жили и любили мои герои. В небольшом городишке, в котором прошла моя горячая юность, очень многое делается по его благоустройству. Сегодня центр городка имеет совсем не тот вид, каким он был полвека назад. Великолепная площадь, большой фонтан, скульптурные группы, мимо которых нельзя пройти равнодушно. Один из моих товарищей прислал мне фотографию, на которой изображена прекрасная скульптура парнишки и его такой же юной подруги, установленная на пятачке Свиданий влюблённых.

Как легко и грациозно парят на крыльях своей любви изумительно красивые молодые люди! Автор этого скульптурного произведения, видимо, воплотил в металле своё представление о той поре, когда все мы переживаем воспаление чувств. И так хочется, чтобы мои земляки назвали этих ребят именами героев моей маленькой повести о большой любви! И пусть они навсегда останутся с нами!

Александр! С большим интересом и удовольствием прочитала Вашу повесть. Читала, и как будто время вернулось вспять. Детство, юность, первая любовь. Трогательно до слёз!

Надежда Дорошенко. г. Санкт-Петербург.

LYRICA
Korotkov & Grabor